
Отношения между личностью и государством в Древней Японии (по материалам жизнеописаний исторической хроники “Сёку нихонги”)

С. А. РОДИН

В статье на основе анализа структурных особенностей сообщений исторической хроники “Сёку нихонги” (797 г.), в которых приводятся жизнеописания государственных чиновников и буддийских монахов, предпринимается попытка выявления специфики отношений между личностью и государством в Японии VIII в. Наибольшее внимание уделяется таким структурным компонентам жизнеописаний, как запись имени, генеалогические сведения и перечисление личных качеств персонажа. Делаются выводы относительно того, какими качествами должен был обладать чиновник, чтобы его деятельность была оценена положительно. Отдельно также рассматриваются жизнеописания, содержащие общую негативную оценку деятельности персонажа.

The article is based upon the analysis of certain reports contained in the historical chronicle “Shoku nihongi”, which are concerned as the *retsuden*, or traditional biographies, mainly dealing with the figures of famous Buddhist monks and high-ranked officials. The attempt is made to trace the specific points of relationships between the individuality and the state in Nara period. The main attention is paid to such information, as name, genealogical data and the characteristics of personal qualities of an official.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая хроника “Сёку нихонги”, эпоха Нара, жизнеописание, проблема личности.

KEY WORDS: Historical Chronicle *Shoku nihongi*, Nara Period, Traditional Biographies, the Individuality.

Историческая хроника “Сёку нихонги” (“Продолжение анналов Японии”)¹, вторая из так называемых “шести государственных историй” (*риккокуси*), была составлена в 797 г. по указанию государя Камму (737–806). Она является продолжением летописи “Нихон сёки”, описывает события с 697 по 791 гг. и состоит из сорока свитков. Текст хроники написан на китайском языке, *вэньяне*, за исключением некоторых указов государей². Тра-

диция летописания была заимствована японцами из Китая, однако японские летописи во многом отличались от китайских образцов. “Сёку нихонги” не имеет разделов, свойственных китайским хроникам, таких как “Основные записи” (*хонги*) и “Жизнеописания” (*рэцудэн*), и представляет собой погодное изложение событий. Жизнеописания помещены среди прочих сообщений и выделяются только на основании формальных и структурных особенностей представленных в них сведений.

Японский исследователь Наканиси Ясухиро выделяет 133 жизнеописания, к которым он относит все сообщения о смерти чиновников, имеющие дополнительную информацию, помимо констатации факта смерти, будь то этапы придворной карьеры или указание генеалогии [Наканиси 2002, 50–56]. Наканиси, однако, не использует термин “жизнеописание”, *рэцудэн*, заменяя его словосочетанием *косуцу кидзи* – “записи о смерти”, “некрологи”. В слове *косуцу* оба иероглифа имеют сходные значения: “умереть”, “скончаться”, однако они употреблялись применительно к разным категориям лиц. Иероглиф *ко* обозначал факт смерти высокопоставленного чиновника, имевшего третий придворный ранг или выше, знак *сцу* употреблялся по отношению к чиновникам четвертого и пятого рангов. Жизнеописания обладателей более низких рангов в поле зрения составителей хроники не попадают.

Включение в жизнеописание таких пунктов, как сообщение об отправке посланников для выражения соболезнования родственникам умершего, оказание вспомоществования, выдача погребального инвентаря, присвоение посмертного ранга, равно как и выбор терминов, в которых описывалась смерть персонажа, – в большинстве случаев зависело от величины его придворного ранга и опиралось на нормы, сформулированные в законодательном своде “Тайхорё” (Тайхорё XXVI).

Подобные сообщения, обязательные в силу законодательных норм того времени, призваны характеризовать значимость почившего чиновника для государства, а также продемонстрировать заботу государя о нем и его родственниках. Польза, которую принес чиновник во время службы, пропорциональна занимаемому им положению в государственной иерархии, и ее символическим признанием служат присвоение посмертного ранга, посмертной должности и оказание вспомоществований родственникам покойного. Таким образом, даже помещение в текст хроники полностью формализованного некролога уже в достаточной степени являлось характеристикой личности чиновника. Подобное сообщение отражало идею полного прижизненного соответствия человека занимаемой позиции, свидетельствовало об успешном выполнении им долга перед государством и о высокой оценке его деятельности со стороны правителя. Однако не все сообщения “Сёку нихонги” столь лапидарны.

С.С. Пасков, ссылаясь на авторитетное мнение японского ученого Аоки Кадзуо, пишет, что главным мотивом, которым руководствовались составители при включении той или иной информации в хронику “Сёку нихонги”, была “морально-воспитательная функция истории”, которая “должна описывать лишь то <...> что нравственно, а не жизненные подробности” [Пасков 1987, 74; Кадзуо 1973, 9]. Из более поздних источников известно, что на подготовительном этапе хроника включала большее количество свитков, и события начала – первой половины VIII столетия освещались подробнее³. Однако составители, ответственные за представление окончательного варианта текста государю Камму, Фудзивара-но Асоми Цугутада (ум. 797) и Сугано-но Асоми Мамити отредактировали имевшиеся в их распоряжении подготовительные записи, поскольку в них “много говорилось о рисе и соли”, то есть о повседневной жизни, и подобная информация не несла воспитательно-характера [Кадзуо 1973, 9–11]. В “Сёку нихонги” содержится и прямое указание относительно того, какую информацию следует фиксировать и передавать потомкам. В указе государя Момму о присвоении посмертного ранга чиновнику Саэки-но Имики Ою говорится: “Деяния отважных должны быть известны всем, имена негодных – обнародованы” (Момму 3-5-8, 699, пер. А.Н. Мещерякова). В качестве мотива, побуждающего государя оказать посмертные почести чиновнику, указывается преждевременная кончина последнего, не позволившая ему добиться более высоких постов, реализовать свои качества и применить свои способности на ответственной должности.

Безусловно, хроника выступала как источник исторических прецедентов, образцов как для выстраивания индивидуального поведения, так и для принятия государственных решений, и назидательная функция сообщений во многом определяла набор фактов, попадавших в жизнеописания. Однако далеко не все они конструируют образ идеального подданного или опасного мятежника. Герои хроники нередко наделяются индивидуальными чертами, которые проявляются в жизненных ситуациях, связанных с необходимостью выбора: между преданным служением и личной выгодой, между исполнением своих обязанностей и личными привязанностями и увлечениями. Наканиси включает подобные сообщения в категорию “записей о смерти”. Мы считаем необходимым, вслед за японским исследователем Хаяси Рокуро, выделить их и обозначить в качестве *рэцудэн*, “жизнеописаний” [Хаяси 2010, 2–25]. В “Сёку нихонги” содержится 54 подробных жизнеописания, героями которых становятся преимущественно чиновники третьего ранга и выше. По мере необходимости мы будем также обращаться и к другим данным “Сёку нихонги”, однако основным объектом анализа в статье выступают именно эти сообщения.

Число подробных жизнеописаний возрастает по мере приближения повествования ко времени создания хроники. Это смещает акцент повествования на время правления государя Камму и отражает расстановку политических сил, значимость конкретного чиновника при дворе и отношение к нему со стороны государя. 20 *рэцудэн* из 54, то есть более трети, помещены в свитки, повествующие о правлении Камму. Наибольшим количеством жизнеописаний (17 из 54) представлен род Фудзивара, причем хроника содержит как положительные, так и отрицательные характеристики его представителей. Отдельную категорию составляют жизнеописания буддийских монахов (6 из 54), особенности которых выявляются при сопоставлении данных хроники с имеющимися агиографическими источниками, эпиграфическими материалами⁴, а также сведениями, имеющимися в поэтической антологии “Кайфусо” (751)⁵. Героями жизнеописаний “Сёку нихонги” становились и женщины (5 из 54), и набор качеств, приписываемых им, сильно отличается от характеристик, приводимых в повествованиях о мужчинах.

Не всегда возможно установить, чью позицию отражают составители – выражают ли они собственное мнение, подстраиваются под ожидания заказчика хроники, либо исходят из оценки персонажа его современниками. Некоторые жизнеописания характеризуют чиновника через отношение к нему его современников. В большинстве имеющихся сообщений это оценка личности группой, чаще всего – общее мнение подчиненных о действиях героя жизнеописания, занимающего некоторый руководящий пост. Приводятся как отрицательные, так и положительные оценки, и характеристика персонажа зависит уже не только от перечисления его качеств и достижений, но от интерпретации его поступков. Жизнеописание Мити-но Кими Обитона (Ёро 2-4-11, 718) отмечает его требовательность: “Если он уличал тех, кто не следовал его инструкциям, тех по вине наказывал”. За строгость и принципиальность “все, от мала до велика, тайком его бранили”, однако, поскольку его действия послужили общему благу – способствовали получению богатого урожая во вверенных ему провинциях Тикуго и Хиго, – настроение людей меняется: “Люди поняли пользу и выгоду от его действий. До сих пор о нём с теплотой вспоминают”. Кульминационным пунктом жизнеописания выступает сообщение о посмертной славе Обитона: “После смерти простые люди стали почитать его за божество”.

В жизнеописании Кудара-но Коникиси Кёфу (Тэмплё дзинго 2-6-28, 766) хронисты не умалчивают о его склонности “к вину и чувственным удовольствиям”, а также о недовольстве его отца этими его пристрастиями. Эти недостатки компенсируются способностями, проявленными на государственной службе, а также личными качествами, среди которых выделяется забота о подчиненных, щедрость, “умение разбираться в людской природе” и отсутствие стремления к личному обогащению: “Если приходили к нему знатные и простолюдины и сетовали, что живут в честной бедности, он одаривал тех даже сверх того, что они ожидали. Поэтому хотя и занимал он много постов в провинциях, дома достатка не было”. Высшей оценкой деятельности чиновника выступает признание его заслуг государем: “Сёму проявлял к нему особое расположение и щедро его награждал”.

Не всегда личное расположение государя и даже принадлежность к государеву роду было способно компенсировать недостатки персонажа хроники. Выдающиеся личные качества и способности, а также знатность происхождения накладывают на персонажа дополнительные обязательства, повышают степень его ответственности за совершаемые поступки. В данном отношении показательно сообщение о принце Асивара, совершившем убийство (Тэмпё ходзи 5-3-24, 761). Это сообщение обычно не относят к категории жизнеописаний, но, на наш взгляд, оно отвечает практически всем формальным особенностям *рэцудэн*, исключая сообщение о смерти персонажа. Принца Асивара не казнят – его вместе с шестью слугами и прислужницами отправляют в ссылку на отдаленный остров Таэнносима. Однако для составителей хроники он перестает существовать – более сообщений о нем мы не встретим, что равносильно смерти не физической, но социальной. Тяжкое преступление, совершенное членом правящего рода, представляется событием исключительным, требует принятия особых мер по поддержанию престижа всего рода, дабы проступки одного человека не бросили тень на его родственников (справедливое наказание злодея), а также выяснения причин, по которым подобное беззаконие стало возможным. Составители хроники прибегают в данном случае к чрезвычайно редкой характеристике личных качеств: “От природы он обладал дурным и злобным нравом, находил радость, распивая в харчевнях вино”. Подобной оценки мы не встретим даже в жизнеописаниях мятежников: их нередко наделяют выдающимися способностями. Помимо ссылки, то есть физического удаления принца из столицы и императорского дворца, в качестве наказания также было изменено его имя, что номинально исключало его из государева рода. Таким образом, государь выступает защитником законности и руководствуется не интересами рода, но исходит из общих норм.

Идея первоочередной значимости исполнения служебного долга, а не преследования личных или родовых интересов парадоксальным образом приводит к индивидуализации персонажей. Еще одним фактором, влияние которого обуславливает специфику жизнеописаний, помещенных в “Сёку нихонги”, является установка составителей на историческую объективность, которая достигается приведением фактов, почерпнутых, вероятно, из различных источников, характеризующих одного и того же персонажа с различных сторон.

В наиболее полной форме жизнеописания “Сёку нихонги” содержат следующие пункты: 1) дата смерти; 2) должность; 3) ранг; 4) имя; 5) констатация факта смерти; 6) генеалогические данные; 7) характеристика личных качеств; 8) карьера, служебные достижения, полученные ранги и должности; 9) возраст на момент смерти; 10) сведения о трауре, похоронах, посмертных почестях. Мы остановимся лишь на наиболее показательных элементах жизнеописаний, иллюстрирующих отношения между личностью и государством: таковы имя, генеалогия и личные качества персонажа.

Имя

Указание родового имени, титула знатности *кабанэ* и личного имени является обязательным компонентом жизнеописания и неотъемлемым элементом структуры личности. Для представителей государева рода указывалось личное имя и класс. В жизнеописаниях встречаются как случаи присвоения имени за заслуги, так и его изменения за преступления. Наиболее показательным примером выступают сообщения, касающиеся судьбы Фудзивара-но Накамаро, чье имя изменялось неоднократно. После подавления учиненного им мятежа его лишают фамилии Фудзивара и присваивают ему и его сообщникам новые имена, имеющие негативную окраску. В одной из записей, предшествующих сообщению о его убийстве, говорится, что называть его теперь следует Гэксин Эми Накамаро, где *гэксин* значит “недостойный подданный” (Тэмпё ходзи 8-9-10, 764). В жизнеописании Накамаро сказано, что имя Эми Осикацу он получил в качестве награды: «За его заслуги к родовому имени были добавлены два знака: Эми, “Добродетель и красота”, также даровано имя Осикацу, “Непременно побеждающий”» (Тэмпё ходзи 8-9-18, 764). Убийство также влечет за собой, помимо прочих наказаний, перемену имени, что исключает из государева рода: “Принц Асивара мечом зарубил человека насмерть, из-за чего ему присвоено имя Тацута-но Махито” (Тэмпё ходзи 5-3-24, 761). Также в наказание за убийство буддийских мо-

нахов исключали из общины, лишая их монашеского имени и возвращая мирские имена: “Монаху Катати храма Якусидзи возвращено мирское имя Ямамура-но Оми Кихацу. Он затеял ссору с монахом Понъё из того же храма, сбился с пути и в конце концов убил его. Расстрижен и приписан ко двору Момунофу, что в Митиноку” (Тэмпё ходзи 4-12-22, 760). Жизнеописание Фудзивара-но Асоми Отосада, сына казненного по ложному обвинению в подготовке мятежа принца Нагая, сообщает о присвоении ему личного и родового имен за донос о готовящейся измене, что повышает его социальный статус и увеличивает степень доверия к нему со стороны правительницы (Тэмпё ходзи 7-10-17, 763).

Пожалование родового имени и титула знатности также служило целям интеграции знатных иммигрантских родов в политическую систему японского двора. Жизнеописание Кудара-но Коникиси Кёфу сообщает, что он был дальним потомком вана корейского государства Пэкче, а родовое имя Кудара (японский вариант названия государства Пэкче) и *кабанэ* Коникиси были пожалованы его предкам государыней Дзито. С одной стороны, и родовое имя, и титул напрямую свидетельствуют о том, что это иммигрантский род, с другой – их пожалование включает Кудара в японскую иерархическую систему и делает возможным участие рода в политической жизни Японии. За служебные достижения родовое имя переселенцев, равно как и титул *кабанэ*, могли быть изменены на более “японские” и престижные, что свидетельствовало о большей степени интегрированности в систему социальных отношений в Японии и восприятие членов иммигрантского рода японцами как “своих”, а не “чужих”; теоретически это позволяло претендовать на занятие более высоких должностей.

Чаще всего подобные изменения происходят по инициативе государя. В жизнеописании выходца из Пэкче Такаока-но Сукунэ Хирамаро читаем: “Его дед, шрамана Эй [кор. Ён], переселился сюда из Пэкче в год *мидзуното и*, в правление государя Оми [Тэнти, 663 г.]. Его отец Садзанами-но Кавати, старший пятый ранг нижней степени, был начальником высшей государственной школы. В первом году Дзинги [724 г.] ему было пожаловано родовое имя и *кабанэ* Такаока-но Мурадзи. Хирамаро с малых лет интересовался науками, прочитал множество писаний <...> В восьмом году Ходзи [764 г.] ему был присвоен младший четвёртый ранг нижней степени за донесение о восстании Накамаро. В первом году Кэйун [767 г.] ему было пожаловано *кабанэ* Сукунэ” [Дзинго кэйун 2-6-28, 768]. Личные заслуги Хирамаро повысили социальный престиж всего рода Такаока – титул Сукунэ являлся третьим по значимости среди *кабанэ*, тогда как Мурадзи – лишь седьмым из восьми. Также иммигранты могли получить родовое имя по названию местности, в которой располагались их владения на территории Японии, что свидетельствует о достаточно высокой степени их натурализации и признания. В жизнеописании чиновника Кунинака-но Мурадзи Кимимаро говорится: “Удалился в имение в селении Кунинака уезда Кацурагиносимо, что в провинции Ямато. Он получил своё имя по названию этой местности”. Четвертый ранг давал Кимимаро право доступа во дворец, а закрепление за ним и его потомками родового имени Кунинака фактически означало переход одноименной местности в их владение. Выдающиеся умения корейского иммигранта, использованные во благо японского государства, не только прославляют его имя, но и повышают положение его рода в государственной иерархии.

О чрезвычайной важности обладания “правильным” именем свидетельствует жизнеописание Такакура-но Асоми Фукусин, потомка выходцев из корейского государства Когурё, сделавшего успешную карьеру при японском дворе благодаря своим выдающимся физическим данным – ловкости и силе, проявленной в борьбе сумо. Хроника сообщает, что его отец имел родовое имя Сэна. За выдающиеся достижения Фукусин было присвоено родовое имя Кома (от японского названия государства Когурё) и второй по величине титул знатности Асоми. Однако чиновника не устраивало его новое родовое имя, напрямую указывавшее на его иноземное происхождение, и он подает следующее прошение государю: “С тех пор, как на Вашего подданного распространилась священная культурность *сэйка*, прошли многие годы. И хотя было пожаловано достославное не по заслугам *кабанэ* Асоми, старое прозвание Кома изменено не было. Ниц простершись, прошу изменить Кома на Такакура”. Прощение было удовлетворено.

Отдельную категорию составляют сообщения о возвращении мирских имен буддийским монахам. Выше мы уже рассматривали примеры, когда это делается в наказание за преступление, однако в некоторых случаях оно преследует иные цели. Так, например, жизнеописание Оми-но Махито Мифунэ сообщает, что в 757 г. ему было пожаловано родовое имя Оми и титул Махито, указывавший на его принадлежность к государеву роду (Энряку 4-7-17, 785). Только после присвоения имени Мифунэ получает свое первое назначение на государственную должность. До этого времени он принадлежал к монашеской общине и формально не имел права занимать посты, однако его знания и способности понадобились государю, и по этой причине “удалившийся от мира” был возвращен ко двору.

Таким образом, перемена имени сопровождается изменениями в характере социальных отношений, является мерой, отражающей изменение статуса, свидетельствует о достижениях человека, являющихся результатом правильного развития его личных качеств и применения его навыков ради общей пользы, а также маркирует степень интегрированности его носителя в определенную общность, как то: государев род; аристократический, столичный или провинциальный род; подданные японского государя; иноземцы; буддийские монахи; преступники.

Генеалогия

Генеалогические данные представляют собой сообщения с указанием личного имени отца и деда покойного, а также их рангов и должностей в случае, если перед нами жизнеописание высококорангового аристократа. Для прямых потомков государей указывается один родитель. Для принцесс чаще всего указаны имена отца, матери, супруга и детей. В большинстве жизнеописаний приводятся сведения лишь относительно отца персонажа. В жизнеописаниях монахов также указываются имена наставников, под руководством которых они постигали буддийское учение. В чрезвычайно редких случаях “Сёку нихонги” описывает специфику семейных отношений между покойным и его родственниками, и то, как родственные связи влияли на его придворную карьеру. Обратимся к жизнеописанию Косэ-но Асоми Сэкимаро: “Он приходился правуком *оми* Токудако, ранг *дайсю*, служившим государю Нанива-но Нагара-но Тоёсаки [Котоку], был сыном Коодзи, младший пятый ранг верхней степени. Его дядя, *тонагон* старшего третьего ранга Одзи, воспитал его как собственного сына. После усыновления он часто получал назначения, имел служебные достижения и вскоре был назначен советником-*санги*” (Тэмпё ходзи 5-4-9, 761). Сэкимаро оправдывает доверие своего дяди, занимавшего высокое положение в государственной иерархии, и проявляет ответственное отношение к службе, которое вознаграждается назначениями на ответственные посты.

Принцев Асукабэ, Кибуми и Ямасиро, сыновей принца Нагая, спасает от смертной казни лишь то, что их матерью была дочь влиятельного сановника Фудзивара-но Фухито (Тэмпё ходзи 7-10-17, 763). Знатность позволяет Фудзивара-но Нагатэ с самого начала карьеры получить высокий ранг: “Он был вторым ребёнком Фусасаки, почётного главного министра в правление из Хэйдзё. Мать его звалась принцессой старшего второго ранга Муро. Поскольку происходил из знатной семьи, вступив на службу, тут же получил младший пятый ранг нижней степени” (Хоки 2-2-22, 771). Жизнеописание Саканоуэ-но Сукунэ Каритамаро не только отмечает личные достижения чиновника, но повествует о заслугах всего рода Саканоуэ: “В роду Каритамаро из поколения в поколения все были превосходными наездниками и умело обращались с луком и стрелами. Они служили государевыми охранниками при многих правителях” (Энряку 5-1-7, 786). Это служит основанием для оказания Каритамаро особых милостей.

Знатность, однако, не гарантирует успешной карьеры и накладывает высокую личную ответственность на потомка аристократического рода. Личные качества и достижения персонажа, в свою очередь, способны уберечь его от смерти, если его родственники совершили тяжкое преступление. Составители “Сёку нихонги” неодобрительно отзывались о Фудзивара-но Хаманари, который растратил свои таланты и не добился успехов на службе: “Хаманари был внуком почётного главного министра старшего первого ранга Фухито, сыном военного министра младшего третьего ранга Маро. Он прочитал множество

писаний, в совершенстве овладел астрономией и искусством счёта. Хотя он и был потомком главного министра, получал назначения в столице и провинции, нигде не преуспел, и его подчинённые и народ от этого страдали” (Энряку 9-2-18, 790). Сын Фудзивара-но Накамаро, Ёсио, благодаря личным качествам избежал казни: “Лишь только его шестого ребёнка, Ёсио, который с малолетства усердствовал в буддийском подвиге, смерти не предали, заменив казнь ссылкой в провинцию Оки” (Тэмпё ходзи 8-9-18, 764).

Личные качества

Характеристики личных качеств персонажа и их оценки, встречающиеся в 34 жизнеописаниях хроники, можно отнести к одному из двух типов: 1) перечисление качеств, которыми персонаж обладал от рождения, личных пристрастий, особенностей внешности, склонностей и проявленных с малых лет способностей к тому или иному роду деятельности; 2) итоговая оценка деятельности персонажа.

Характеристики первого типа, в большинстве случаев положительные, формируют образ чиновника, раскрывшего свой природный потенциал на службе, и указывают на него как наиболее подходящего кандидата для той или иной должности, в чем находит отражение идея меритократического принципа отбора чиновников на должности. Не случайно за перечислением личных качеств и умений в жизнеописании следует информация о придворной карьере героя.

Жена государя Сёму, Комё, “с малых лет была необычайно мудрой и добродетельной, и вскоре снискала всеобщее восхищение”. Мудрость помогает ей при изучении церемоний и отборе кандидатур на должности в Управление дворца государыни. Комё “тщательно отбирала туда людей мудрых, достойных награды, каждого оценивая по заслугам”. Добродетель побуждает ее встать на путь Будды и проявлять милосердие по отношению к подданным: “Государыня, будучи милосердной и гуманной, заботилась о спасении живых существ. Храм Тодайдзи и провинциальные храмы *кокубундзи* в Поднебесной построены по её совету. Она построила храмы Хидэн и Сэяку, где кормила страдавших от голода и лечила больных” (Тэмпё ходзи 4-6-7, 760). В жизнеописаниях придворных дам отмечаются такие качества, как скромность, целомудрие, материнские чувства, преданность супругу и красота. Последнее качество отмечено только в жизнеописании Фудзивара-но Асоми Отомуро (Энряку 9-(3)-28, 790), супруги государя Камму, выступавшего заказчиком хроники.

Исикава-но Асоми Тоситари “с рождения был честным и трудолюбивым, глубоко вникал в дела управления”, благодаря чему добился успехов на должности управителя провинции Идзумо: “За несколько лет, пока он делами ведал, тамошние крестьяне успокоились” (Тэмпё ходзи 6-9-30, 762). Фудзивара-но Асоми Мататэ “был великодушным и благородным, обладал талантом государева помощника <...> Занимая должности, был справедливым и беспристрастным, думая об общем [благе], забывал про личное <...> Государевы приказы он передавал с особым красноречием. Его пронизательность удостоилась похвалы” (Тэмпё дзинго 2-3-12, 766). У Отомо-но Сукунэ Косиби “с малых лет проявились выдающиеся таланты, множество книг он прочёл”, однако его блестящей карьере помешала клевета Фудзивара-но Накамаро, о чём составители хроники сожалеют. После низвержения мятежника Косиби был возвращен в столицу (Хоки 8-8-19, 777). Фудзивара-но Асоми Момокава “с малых лет был наделён талантами <...> Всю возлагаемую работу выполнял старательно и добросовестно”. Выдающиеся способности чиновника и его старательность снискали особое расположение к нему со стороны государей Конин и Камму: “Государь [Конин] ему очень верил и доверялся его преданности. И не было ни в столице, ни в провинции такой должности, с которой он бы не справился. Нынешний же государь [Камму] с особенной любовью к нему относился. Когда нынешний государь занемог, и месяц за месяцем хворал, Момокава его развлекал, лечил и молился о его выздоровлении. Поэтому нынешний правитель им дорожил и чрезвычайно скорбел, когда тот скончался” (Хоки 10-7-9, 779). Физические данные Фудзивара-но Асоми Корэкими помогают ему принимать верные служебные решения без сомнений и промедлений: “Он был высокого роста и крупного телосложения, к тому же облик имел грозный. <...> Корэкими пре-

красно разбирался в делах того времени, и не было задержек в решениях, которые он принимал” (Энряку 8-9-19, 789).

Внимания хронистов заслуживает также стремление к приобретению знаний и развитию навыков, полезных в государственной деятельности, таких как каллиграфия, изучение законов, искусство счета, астрология. Однако одних талантов и способностей недостаточно для того, чтобы заслужить положительную характеристику. Они должны, во-первых, реализовываться ради общей пользы и отвечать интересам государства; во-вторых, опираться на принцип гуманного обращения с подчиненными и почтительного отношения к правителю; в-третьих, не следовало чрезмерно отдаваться овладению определенным навыком или развитием одной способности, поскольку это могло помешать исполнению служебных обязанностей. Сами по себе навыки воспринимаются как нейтральные и оцениваются положительно в том случае, если приносят пользу. Неумение применить собственные таланты приводит к негативной характеристике.

Фудзивара-но Хаманари (Энряку 9-2-18, 790) известен как автор наиболее раннего из сохранившихся до настоящего времени японских поэтологических трактатов, “Какё хё-сики” (772 г.)⁶. Хроника не отмечает за ним данную заслугу, хотя и сообщает о его эрудированности, которая, однако, не способствовала выполнению служебных обязанностей. Возможно, жизнеописание имплицитно содержит идею о пренебрежении им службой и чрезмерном увлечении книжной образованностью и изящной словесностью. Ни сочинительство стихов, ни написание трактатов не воспринимается негативно. Так, например, в жизнеописании Оми-но Мифунэ, говорится, что он “от природы был умён и проницателен, прочёл множество сочинений, но больше всего любил сочинительство” (Энряку 4-7-17, 785), – и этот факт не сказывается негативно на его придворной карьере. Жизнеописание Исоноками-но Асоми Якацугу и вовсе говорит о его литературных талантах и прославляет его не только как чиновника, но и как поэта: “Якацугу известен был тем, что на досуге сочинял стихи. Пейзажи, горы и воды, всё, что подходило для стихотворной темы или рисунка, он использовал. С годов Ходзи, Якацугу и Оми-но Махито Мифунэ сделались главными литераторами. Несколько десятков его стихотворений получили широкую известность и признание” (Тэнъо 1-6-24, 781).

Итоговая оценка деятельности героя имеет решающее значение в формировании его образа. Хроника приводит как положительные, так и отрицательные характеристики героев. Примером положительной оценки деятельности служит сообщение о скорби государя, чиновников или простых людей в связи со смертью персонажа. Так, жизнеописание Исоноками-но Якацугу завершается словами: “Люди того времени очень его смертью опечалились” (Тэнъо 1-6-24, 781).

Ответственность и исполнительность, отсутствие ошибок, проявление служебной инициативы, оцененные по достоинству правителем, чиновниками и простыми людьми, также формируют положительный образ персонажа. Например, про Фудзивара-но Асоми Танэцугу говорится, что “государь на него очень полагался и все дела столицы и провинции вместе с ним решал” (Энряку 4-9-24, 785), а жизнеописание Кунинака-но Мурадзи Кимимаро содержит информацию о присвоении чиновнику высокого ранга “за тяжелую работу” (Хоки 5-10-3, 774). Чрезвычайно интересным примером оценки деятельности чиновника является жизнеописание Исакава-но Асоми Тоситари. Будучи честным и трудолюбивым, он превосходно справился с обязанностями управителя провинции Идзумо. Его таланты раскрылись также в придворной службе в столице – выполняя поручение государя, он подал доклад в двадцати свитках, содержащий дополнения к законам с подробным описанием служебных обязанностей министров. Его старания и проявленная им инициатива были высоко оценены, несмотря на то что дополнения так и не были приняты. Во время несения службы в провинции положительной оценки заслуживают его таланты в качестве государева посредника, распространителя культурности, реализация которых влечет за собой прямую практическую пользу – успокаивает подданных и смягчает их нрав. Дополнения Тоситари к законам, предложенные по повелению государя, так и не были утверждены, но хотя его работа и не имела практической значимости, она демонстрирует старательность и исполнительность чиновника, ответственно подходившего

к выполнению поставленных задач. Лояльность государю и преданность службе имеют большее значение, чем практическая польза. Хронисты, однако, оговаривают, что труд Тоситари не был отвергнут: “Хотя до сих пор эти положения и не ввели, часто на них в делах управления опираются” (Гэмпё ходзи 6-9-30, 762).

Отрицательная итоговая оценка в хронике дается, в первую очередь, мятежникам и бунтовщикам, чьи жизнеописания являются достаточно значительными по объему. В них, однако, часто содержатся не только сведения, касающиеся самого героя, но также приводится подробный рассказ о событиях, которые привели к мятежу, описывается его подавление, награждение отличившихся и наказание провинившихся. Хроника приводит имена тех, кто проявил себя защитником государства и особенно отличился при подавлении мятежа, и перечисляет сообщников мятежника, исполняя тем самым требования, которые предъявлял к летописцам еще государь Момму (ср. выше). Мятежникам и бунтовщикам не приписаны отрицательные врожденные качества. Их вина в том, что они не сумели воспользоваться талантами ради общего блага, применяя их в целях усиления личной власти и посягая на основы государственной идеологии, строившейся, в числе прочего, на строгом соблюдении иерархических отношений между правителем и подданным. Подобные нарушения иллюстрируются в жизнеописаниях как апелляциями к народной молве, так и конкретными эпизодами из жизни персонажа, в которых его действия подвергались осуждению и свидетельствовали о неправильной реализации его личных качеств в социуме.

Обратимся к жизнеописанию Фудзивара-но Асоми Накамаро (он же – Эми-но Осикацу). Оно начинается с констатации факта его гибели, сообщается также имя того, кто его убил: “Воин Ивамура-но Сугури Ивататэ зарубил Осикацу и отправил его голову в столицу”. Далее приводятся генеалогические сведения, свидетельствующие о знатности его происхождения и предваряющие характеристику выдающихся личных качеств, которыми Накамаро обладал с рождения: “От природы он был умён и проницателен, прочёл множество сочинений. Под руководством дайнагона Абэ-но Сукунамаро постигал искусство счёта, и был в том умел и сведущ”. Затем описывается его стремительная придворная карьера, и на данном этапе жизнеописание, исключая констатацию факта гибели Накамаро и отправки его головы в столицу, изображает не мятежника, но чиновника, чьи способности были востребованы на государственном поприще. Переломным моментом в судьбе Накамаро, по мнению составителей хроники, становится проявление им стремления к единоличной власти, что приводит к нарушению баланса в отношениях между личностью и социумом: “Важнейшие государственные дела он решал в одиночку, сосредоточив управление в своих руках. Представители могущественных домов стали ему завидовать”. Нарушение данного баланса, в свою очередь, лишает стабильности государство и приводит к попытке силового устранения Накамаро: “В первом году Ходзи [757 г.] Татибана-но Нарамаро замыслил мятеж, желая от него избавиться. Об этом стало известно, и план провалился”. Влияние и личная власть Накамаро становятся чрезмерными. Он становится главным министром и, забыв о скромности, при назначениях на должности не руководствуется заслугами и талантами чиновников, а распределяет важные государственные посты среди своих близких родственников. Обретение чрезмерной власти приводит к стремлению удержать ее любой ценой и пробуждает в Накамаро чувство подозрительности и недоверия, вынуждающее его совершить роковой поступок: “Возлюбил он единоличную власть и день ото дня относился к людям со всё большей подозрительностью. Доке тогда прислуживал во дворце и снискал необычайную любовь [государыни]. Осикацу из-за этого разволновался и никак не мог успокоиться. И тогда, в обход государыни Такано, сам себя назначил военным инспектором столицы, взял управление воинами на себя, и собрал личную гвардию. “Согласно военному уставу, по двадцать воинов из каждой провинции должны прибыть сюда, дабы в течение пяти дней практиковаться в военном искусстве”. Дабы ещё более увеличилось число его воинов, он поставил печать Дадзёкан. Старший внешний секретарь Такаока-но Хирамаро, испугавшись, что несчастье и его настигнет, в тайне об этом доложил. [Накамаро] попытался заполучить колокольца и государеву печать, поднял воинов и начал мятеж”. Описание вооруженного противостояния войск государыни и отряда Накамаро иллюстрирует идею предопределенности исхода

сражения, поскольку государевым войскам помогает сама природа. Корабль, на котором мятежник пытается бежать, потерпел крушение из-за налетевшего встречного ветра, а на место его тайного укрытия указывает упавшая с неба звезда. Составители хроники описывают также эмоциональное состояние Накамаро как через непосредственное указание определенных эмоций (“относился к людям со всё большей подозрительностью”, “разволновался и никак не мог успокоиться”, “боевой дух покинул Осикацу”), так и посредством описания их внешних, телесных проявлений (“когда это увидел, побледнел и бежал в уезд Такасима”). В государственных хрониках крайне редко упоминаются эмоции. Также и тело становится объектом, достойным фиксации, только в случае отклонения от нормы. Части тела, например, чаще всего упоминаются в связи с болью или казнью, эмоции проявляются во время смерти чиновника. В данном случае описание эмоционального состояния Накамаро также выражает идею отклонения от нормы: его личные качества и умения были направлены не в нужное русло. Не только беспокойство или страх, но и радость может служить негативной характеристикой. Жизнеописание монаха Докё, знатока санскрита и умелого врачевателя, помышлявшего лишь о личной выгоде, сообщает: “Когда государыня скончалась, он возжелал ещё большей личной власти и втайне ее смерти радовался” (Хоки 3-4-7, 772). Этической оценке подвергается не эмоция сама по себе, но повод, по которому ее переживает герой.

Общая негативная характеристика дается не только мятежникам, нарушавшим принцип почтительного отношения подданного к государю и ставившим личную выгоду и интересы рода выше интересов общества, но и чиновникам, не проявлявшим гуманности по отношению к подчиненным. Наиболее явно эта идея выражена в жизнеописании Ямато-но Сукунэ Нагаока: “В четвёртом году [760 г.] назначен управителем Кавати. Однако в управлении не руководствовался гуманностью и благодеяниями, отчего страдали и чиновники, и народ. Тогда ему был присвоен младший четвёртый ранг нижней степени, он был освобождён от должности и вернулся в своё имение” (Дзинго кэйун 3-10-29, 769).

Анализ структурных компонентов жизнеописаний позволяет выявить специфику отношений между личностью и государством, обозначить те элементы структуры личности, которые актуализировались в данном типе отношений, а также понять, какие факторы влияли на оценку деятельности человека со стороны его современников и в последующие исторические периоды. Указание имени персонажа, генеалогических данных, равно как и другие структурные элементы, не только обозначали его принадлежность к определенной социальной группе, но также выделяли его внутри общности. Обладание определенными навыками или качествами само по себе не являлось основанием для положительной характеристики героя жизнеописания. От него требовалась правильная их реализация, которая становилась возможной при осознанной деятельности ради общего блага, а не личной выгоды. Нарушение баланса сил в пользу личной выгоды способно привести к отклонениям, расстройству как личности, так и социума, что иллюстрируют жизнеописания мятежников. Личные пристрастия героев и их индивидуальные свойства не являются объектом осуждения, если они не вступают в противоречие с интересами службы. Ни высокая степень формализованности жизнеописаний, ни конъюнктурный характер государственной хроники не лишают ее героев ни личных качеств, ни индивидуальных свойств.

ЛИТЕРАТУРА

- Кадзуо 1973 – *Кадзуо Доки*. Нара-но мияко (Столица Нара). Токио, 1973.
Наканиси 2002 – *Наканиси Ясухиро*. Сёку нихонги то Нара тё сёхэн (Хроника Сёку нихонги и политические перемены в нарской Японии). Токио, 2002.
Нихон коки 2011 – Нихон коки (Поздние анналы Японии). В 3 т. Пер. на совр. яп., коммент. Морита Тэй. Токио, 2011.
Норито 1991 – Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского Л.М. Ермаковой. М., 1991.
Пасков 1987 – *Пасков С.С.* Япония в раннее средневековье. М., 1987.
Рабинович 1991 – *Rabinovitch J.* Wasp Waists and Monkey Tails: A Study and Translation of Hamanari's Uta no Shiki (The Code of Poetry, 772), Also Known as Kakyō Hyōshiki (A Formulary for Verse

Based on The Canons of Poetry) // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 51. No. 2 (Dec., 1991). P. 471–560.

Родин 2011 – *Родин С.А.* Японские эпитафии VIII в. / История и культура традиционной Японии 2. *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XXIX. М., 2011. С. 70–130.

Родин 2013 – *Родин С.А.* Буддийские мотивы и жизнеописания монахов в антологии “Кайфусо” / История и культура традиционной Японии 6. *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*; вып. LI. М., 2013. С. 48–68.

Сакамото Таро 1991 – *Sakamoto Taro*. The Six National Histories of Japan. Trans. by John S. Brownlee. Vancouver–Tokyo, 1991.

Сёку нихонги 2003–2005 – Сёку нихонги (Продолжение анналов Японии). В 6 т. Под ред. Аоки Кадзуо, Сасаяма Харуо, Инаока Кодзи, Сирафудзи Норуюки. Токио, 2003–2005.

Сёку Нихонги 2006 – Сёку Нихонги (Продолжение анналов Японии). Первый свиток. Перевод, исследование и комментарии А.М. Мещерякова / Политическая культура древней Японии. М., 2006. С. 7–66.

Тайхорё 1985 – Свод законов Тайхорё. В 2 т. Вступительная статья, перевод и комментарии К.А. Попова. М., 1985.

Хаяси 2010 – *Хаяси Рокуро*. Наратё дзимбуцу рэцудэн (Жизнеописания людей эпохи Нара). Киото, 2010.

Примечания

¹ Все сообщения хроники “Сёку Нихонги”, исключая отдельно оговоренные случаи, приводятся в нашем переводе, выполненном по данному изданию памятника: [Сёку нихонги 2003–2005]. Ссылки на конкретные места памятника даются через указание датировки сообщения, принятой в японской историографии. Например, запись “Тэмпё дзинго 2-6-28, 766” следует читать как “28 день 6 луны 2 года Тэмпё дзинго, 766 год”. Для законодательного свода “Тайхорё” указывается номер закона и статьи. Запись (Тайхорё XXVI–22) отсылает к 22-й статье 26-го закона данного свода.

² Подробные сведения о составлении хроники и ее формальных особенностях приводит А.Н. Мещеряков в издании [Сёку Нихонги 2006, 7–18]; см. также раздел, посвященный “Сёку нихонги”, в книге [Сакамото Таро 1991, 90–122]. Перевод на русский язык имеющихся в хронике молитвословий *норито* и императорских указов *сэммё*, выполненный Е.М. Ермаковой, см. в [Норито 1991].

³ См. текст докладной записки Фудзивара-но Цугутада государю Камму в (Нихон коки, Энряку 13-8-13, 794).

⁴ Сравнительный анализ текстов эпитафии и жизнеописания монаха Гёки см.: [Родин 2011, 111–117].

⁵ Сравнение жизнеописаний монаха Додзи в “Кайфусо” и “Сёку Нихонги” см.: [Родин 2013, 58–63].

⁶ Исследование и перевод данного памятника на английский язык см.: [Рабинович 1991].